

В обрамлении лазерных лучей

23/10.93

К выходу компакт-дисков и видеокассет фирмы Teldec с двумя частями тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга»

Алексей Парин

ТВ

день второго представления нового байрейтского «Тристана» фирма Teldec презентовала прессе свою новую продукцию. Вторично в истории Байрейта полностью записана на видео пленку тетралогия «Кольцо нибелунга», и, пока идут монтажные доделки, на рынок вырываются две первые части — предвечерие «Золото Рейна» (4509-91122-3) и драма первого вечера «Валькирия» (4509-91123-3). Параллельно вниманию публики предлагается аудиозапись на компакт-дисках («Золото Рейна», 4509-91185-2; «Валькирия», 4509-91186-2).

Торжественная презентация новой записи в одном из популярнейших байрейтских ресторанов «Берентрейтор Хоф», где испокон века любили собираться участники фестивальных спектаклей, была посвящена организаторами дирижеру «законсервированного» «Кольца» и живого «Тристана» Даниэлю Баренбойму, который почтил своим присутствием оживленную церемонию.

Предыдущее байрейтское «Кольцо», зафиксированное на пленке, представляло собой подлинный интерпретаторский шедевр. Постановка, которую осуществили французы — режиссер Патрис Шеро и дирижер Пьер Булеза, получила кличку «Кольца века» не только потому, что была приурочена к столетию мировой премьеры тетралогии в Байрейте (1876-1979), но и в связи с тем, что театральные музыкальные открытия сразу же поставили эту постановку на недостижимую высоту. За прошедшие 17 лет тетралогия байрейтского гения обрела множество сценических версий в разных странах мира, включая впервые приобщившихся к «оперному марафону» Польшу и США, но ни одна из постановок пока что не

гут по достоинству оценить мастерство Баренбойма-вагнерианца.

Баренбойм, однако, не принадлежит к тем мастерам, которые приходят в оркестровую яму оперного театра, чтобы дирижировать партитуру, не обращая внимания на происходящее на сцене. На уровень Баренбойма — интерпретатора «Кольца» бесспорно повлияло его сотрудничество с Гарри Купфером, режиссером, которого смело можно причислить к лидерам сегодняшнего музыкального театра. Действенность купферовских мизансцен, детальная разработка психологической и пластической партитуры, несомненно, придали концепции Баренбойма особую углубленность, а пространственное мышление Купфера и его художника Ханса Шаверноха раздвинули горизонты музыкального действия.

Постановка Шеро-Булеза рисовала историю человечества с XVIII по конец XIX века; миф-сказка преобразался в миф-параболу; драмы Ибсена, Гауптмана, Чехова и Горького приносили свои образные достижения в мир Вагнера и вскрывали потаенные смыслы сказочных перипетий. Постановка Баренбойма — Купфера вывела героев вагнеровских музыкальных драм в странное время «после истории», в мир с остатками цивилизации, пустынный, страшный и, несмотря ни на что, узнываемый.

Природа и техника соединились в этом мире в нерасторжимое целое. Пока оркестр в начале «Золота Рейна» живописует медленное течение великой реки, на сцене царствуют лазерные лучи: из черноты вырываются зеленые спицы света, они движутся, исчезают, возникают снова, высвечивают в итоге лучистый коридор, туннель в бесконечном времени-пространстве, и вот уже зеленое полотно Рейна течет по сцене ровной массой, из которой выныривают капризные русалки. Второй раз природа-техника сотворит свое чудо в конце «Валькирии», когда строгий отец Вотан окружит стеной огня свою непослушную дочь Брун-

гильду: алые лазерные лучи станут вспыхивать и наливать мощью в строгом соответствии с движением музыки.

Купфер, как и полагаются, блюдет зрелищность «Золота Рейна» и лелеет глубинный психологизм «Валькирии». Картины предвечерья привлекают изобретательностью: движение в недра земли визуализировано с кинематографической точностью, по-новому понято в божественной иерархии место Логе как единственного представителя старой европейской культуры на фоне «крутых» младобедителей Вотана и Ко, которые с шиком носят распахнутые кожаные пальто с меховыми воротниками прямо поверх маек. Картины «Валькирии» приковывают беспощадным проникновением внутрь человеческой природы: любовь Зиглинды и Зигмунда оказывается не романтически-светлой, но агрессивно-темной силой, несущей их тела, словно в пыточном колесе, по просторам опустошенной

Артисты демонстрируют высокий класс мастерства. На первое место в ряду певцов-актеров следует поставить англичанина Джона Томлинсона в

роли Вотана: его бас мощен и гибок, тембрально значителен и одновременно суггестивен благодаря поистине бескрайнему богатству нюансировок, его сценическое поведение органично и отмечено излучением выдающейся личности. Вообще англичане задают тон в этой постановке. Логе в исполнении Грэма Кларка поражает книжальной точностью психологических светотеней; Фрика Линды Финни сочетает практический ум Маргарет Тэтчер и псевдозначительность Раисы Горбачевой — красивый, богатый обертонами голос певицы позволяет подать эти черты с истинным театральным шиком; в интерпретации Эни Эванс (к счастью, именно ее выбрали для записи, отказавшись от услуг громобойной американки Деборы Поласки) Брунгильда восхищает редким диапазоном человеческих эмоций, раскрываемых благодаря недюжинному вокальному мастерству и театральной органике. Датчанин Поул Элминг и американка Нэдин Сегуиде рисуют не слишком чарующих, но захватывающих своей стихийной чувственностью Вельзунгов. Нельзя не упомянуть многогранно выделенного Альбериха — Гюнтера фон Каннена, равно как и однолинейно-элементарного Фазольта и мрачно-деспотичного Хундинга, созданных талантом Матиаса Хелле.

Когда в начале третьего действия «Валькирии» оркестровую ткань взрезают истерично-нагсадные крики валькирий, когда на телеэкране по реке времени-пространства медленно, тяжелыми рывками движется, словно на копьеве, окаменевшее человечество, а brave хамоватые девки с размазанными, как у дешевых продавщиц, лицами, в кожаных пальто, несутся по стальной пожарной лестнице с высоты Валгаллы на опустошенную землю, чтобы определить, кто среди людей станет героем, а кто уйдет в небытие, — делается страшно. Музыка Вагнера уже соединялась однажды в устрашающее целое со зрительным рядом в фильме Фрэнсиса Коппола «Апокалипсис сегодня» — но, кажется, образный ход Купфера и Шаверноха действует не менее сильно.

Как соотносить постановку Баренбойма и Купфера с шедевром Шеро и Булеза? Новая версия интересна как целое и убеждает многими деталями; в видеоварианте она представит несомненный интерес для всех любителей оперы. Однако в ней есть и некоторая открытость, неокончателность — на это указывает хотя бы тот факт, что Даниэль Баренбойм, Гарри Купфер и Ханс Шавернох уже этой осенью покажут берлинским зрителям новый вариант своей интерпретации «Валькирии», а потом и остальных частей «Кольца».

ДЖОН ТОМЛИНСОН В РОЛИ ВОТАНА

смогла стать вровень с откровениями Шеро-Булеза. Вслед за блистательной Гвинет Джонс на финальный костер Брунгильды всходила хрупкая, но сокрушающе сильная духом Хильдегард Беренс, вслед за уникальным Петером Хофманом меч Нотунга брал в руки Пласидо Доминго, Джесси Норман ворожила своим голосом, сливаясь в любовном экстазе с Зигмундом. Нью-Йорк, Вена, Мюнхен, Гамбург, Ганновер, Цюрих, Варшава предлагали свои варианты — но только отдельные образы, отдельные части достигали вершин исполнительского мастерства; как целое байрейтская постановка оказывалась непревзойденной. Сам Байрейт потерпел неудачу несколько лет назад: по традиции, каждая постановка «Кольца» остается на сцене «Фестшпильхауса» ровно 5 лет, и в начале 80-х годов версия Шеро-Булеза ушла из репертуара. На смену ей пришла постановка Питера Холла, в которой недостаток концепционной смелости сопровождался общей вялостью художественного мышления.

В 1988 году состоялась премьера нового «Кольца», которая ныне становится достоянием широкой публики. В этом году Байрейт жил без тетралогии, готовясь лишь следующим летом принять в свое лоно новую версию, — дирижер Джеймс Ливайн, режиссер Альфред Кирхнер и художница Розали уже вовсю работают в «Фестшпильхаусе».

Новые записи очень точно встроились в «Бескользящую» паузу Байрейта.

Что же за постановку смогут услышать и увидеть те, кто не пожалел денег на великолепную продукцию хай-тека?

Я уже проговорился ранее, что дирижером в этой записи выступает Даниэль Баренбойм, maestro, хорошо известный Парижу, Москве и прочим городам Европы, ныне возглавляющий берлинскую «Штаатс опер» на улице Унтер-ден-Линден. Интерпретации Баренбоймом немецкой музыки не всегда убедительны; любование деталями иногда уводит дирижера от осознания целого. Первые записи «Кольца», которые можно было услышать по радио в Москве в 1988 году, удручали, певцы словно перешли с внятной декламации на натуралистичный говорок, трагизм вагнеровской притчи уступил место психологизму бытовой прозы, мысль топталась на месте, рождала скуку. В прошлый год я увидел и услышал детине Баренбойма в Байрейте и поразился огромным изменениям, которые претерпела работа maestro за пять лет сценической жизни: вкус к деталям остался на месте, нюансировка сохранила богатство, но музыка в целом обрела присущие ей мощь, вселенскую масштабность, высокий трагизм. Слушатели новой записи смо-

ПАРТИТУРА

Сезон - 1993 - 230 лет - с. 13

хай-тек